
СТРАТАГЕМА КРАСОТКИ: ТЕОРИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

Е.В. Журавлева

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

На данный момент в мировой научной литературе существует не одно определение и не одно обозначение понятия «мягкая сила». В англоязычных трудах в основном принят термин «soft power», в русскоязычных исследованиях чаще встречается «мягкая сила», реже «мягкая власть», в китайской историографии также довольно разнообразная терминология: *жуань шили*, *жуань лилян* и *жуань цюаньли* (软实力, 软力量 и 软权力). Разнообразие терминов отражается и в разнообразии трактовок системы или механизма работы «мягкой силы», что позволяет сделать вывод, что на данный момент не сформировалось единой концепции и подхода к ее изучению. Предметом данного исследования служит «мягкая сила» в рамках концепций зарубежных и российских исследователей.

Перед автором был поставлен ряд задач, среди которых: определить место политики «мягкой силы» во внешнеполитическом курсе КНР, проанализировать существующие интерпретации и концепции «мягкой силы с китайской спецификой», а также проследить развитие теорий «мягкой силы».

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что несмотря на различие в трактовках, есть и общие аспекты, в том числе: большинство исследователей полагают, что само понятие непосредственно связано с влиянием субъекта на объект, а также что среди основных инструментов «мягкой силы» зачастую выделяются гуманитарное сотрудничество, инвестиции, диалог на высшем уровне и др.

Данное исследование позволяет не только сформировать представление о «мягкой силе» через призму различных научных изысканий, но и выявить ключевые элементы системы, а также альтернативные способы применения политики «мягкой силы» субъектом и варианты ее усиления.

Ключевые слова: теория «мягкой силы», Китай, soft power, внешняя политика КНР, совокупная мощь государства.

Концепция «мягкой силы» государства, или «мягкой власти», у английского аналога *power* есть несколько значений, и если рассматривать понятие в контексте именно силы, то это будет скорее движущая или побуждающая сила, то, что приводит определенный механизм в действие. Если же рассматривать *power* в значении «власть», то можно увидеть уже конечный результат: то, чего субъект «мягкой власти» уже достиг посредством различных инструментов. В российской историографии наиболее распространен термин «мягкой силы», популярность такой трактовки можно объяснить и тем фактом, что масштаб силы можно измерить и он более динамичен, в отличие от масштабов власти.

В китайской историографии встречается ряд различных наименований «мягкой силы», включая *жуань шили*, *жуань лилян* и *жуань цюаньли* (软实力, 软力量 и 软权力). [Pang Zhongying 1997: 49] Все термины несмотря на то, что отражают

одно и то же понятие, несут несколько разную смысловую нагрузку. Первое, наиболее часто употребляемое, дословно можно перевести как «мягкая реальная/действительная сила», что противоречит утверждениям, что «мягкая сила» нематериальна. Второй термин означает «мягкая сила», при чем, как правило, термин *лилян* (力量) чаще используется для обозначения физической мощи субъекта, что снова подчеркивает весьма прагматичный и вполне материальный подход к термину. И, наконец, третье понятие *жуань цюаньли* (软实力) отражает скорее правовой характер «мягкой силы», дословно можно трактовать сразу в нескольких вариантах, а именно: «мягкая власть», «мягкое полномочие/право» и т.д. Использование последнего термина, скорее, описывает право каждого субъекта на использование «мягкой силы». Весьма прагматичную трактовку *цюаньли* (权力) дают китайские исследователи, опираясь на значение термина в традиционном китайском языке, которое имеет два значения, а именно: 1) весы, 2) против писания, но ради принципа [Wang 2008: 262]. При этом понятие всегда было связано со стратегией или тактикой, что демонстрирует продуманность и прагматизм термина. Связь с первоначальным значением «весы» не утрачена в современной трактовке понятия, так подразумевает определенный баланс при использовании такого рода силы.

В официальных заявлениях китайского руководства преимущественно употребляется термин *жуань шили* (软实力), как правило в связке с прилагательным *вэньхуа* (文化) — культура или культурная, что фактически диктует направленность «мягкой силы» государства.

Китайский исследователь Пан Чжунъин выдвигает еще один емкий термин *жуань гунфу* (软功夫) (мягкое мастерство/усилие), оно достигается только тогда, когда другие страны восхищаются и стремятся догнать и перегнать в некоторых цивилизационных аспектах страну-субъект [Pang Zhongying 1997: 51]. Фактически этот навык позволяет стать примером для других и заставить всех равняться на себя, хотя бы по ряду параметров.

Впервые понятие «мягкой силы» стало разрабатываться американским политологом Джозефом Найем еще в 80-х гг., в основном применялось к политике США. Некоторые отдадут «пальму первенства» в разработке концепции «мягкой силы» другим американским политологам. Китайский профессор Лю Цзайци считает, что предшественником Ная был Р.С. Клайн, выдвинувший формулу совокупной мощи государства. Согласно его теории основные элементы этой формулы можно разделить на материальные и духовные, последние, по мнению Лю Цзайци, и представляют собой «мягкую силу» [Лю 2009: 149].

На настоящий момент научным сообществом выработано немало определений политики «мягкой силы», которые в основном повторяют и дополняют концепцию Дж. Ная. Концепция «хорошо прижилась» не только в западной науке, но и нашла свое применение на востоке, в том числе в Китае. Большинство исследователей заговорило об угасающей «мягкой силе» США и возрастающей китайской.

Понятие, введенное Наем, было отнюдь не новым для Китая, практика мирного достижения политических целей всегда использовалась в этой стране. Многие китайские исследователи считают, что понятие «мягкой силы» соотносимо с высказываниями Сунь-цзы о победе над врагом без боя, а также с категорией древнекитайского философа Мэн-цзы «путь государя» (王道), под которой подразумевалось гуманное правление и которая противопоставлялась категории «путь гегемона» (霸道), основанная фактически на «жесткой силе» [Wang, Lu 2008: 427]. Профессор МГУ В.М. Капицын и вовсе полагает, что образ «мягкой силы» берет истоки из восточных учений, в том числе из даосизма [Капицын 2009:71].

СПОСОБНОСТЬ ИЛИ МУДРОСТЬ?

Стоит выделить ряд определений «мягкой силы».

В первую очередь вернемся к первоначальному варианту, предложенному Дж. Наем. За последние 10 лет Най дал два определения выработанному термину. Первое было применено в 2004 г. и звучало как «способность получать то, чего ты хочешь, за счет привлекательности, а не принуждения или выплат» [Nye 2004]. Ключевым понятием стала именно *привлекательность*, которое нашло свое отражение и в дефиниции 2011 г. В своей работе “The Future of Power” Най называет «мягкой силой» «способность влиять на других с помощью средств кооптации, формируя повестку дня, убеждая и вызывая положительную привлекательность с целью достижения предпочтительных результатов» [Nye 2011]. Т.е. условно один субъект должен стать привлекательным для объекта, понравиться, что в свою очередь позволит использовать благосклонное расположение объекта в свою пользу.

Среди российских авторов к трактовке Ная наиболее близки Н.В. Кухаренко и С.В. Кухаренко. По их мнению, «мягкая сила — это совокупность невоенных, дипломатических мер в отношении других государств с целью формирования привлекательного образа своей страны и расширения сферы своего влияния» [Кухаренко, Кухаренко 2013: 165].

Профессор НИУ ВШЭ М.В. Ларионова выдвигает другое определение, основанное на термине «положительное восприятие». Таким образом, автор уходит от связки «мягкая сила» = привлекательность. ««Мягкая сила» — это способность влиять на другие государства с целью реализации собственных целей через сотрудничество в определенных сферах, направленное на убеждение и формирование положительного восприятия».¹ Стоит заметить, что определение М.В. Ларионовой близко к концепции формирования благоприятного имиджа государства, нежели к теории об обладании неким очарованием для объектов воздействия.

По мнению Д.В. Мосякова, мягкая сила — это «атрибут экспансионистской политики», которая, в свою очередь, «с большой вероятностью будет привлека-

---

¹ Ларионова М.В. «Мягкая сила» — ресурс внешней политики. Электронный ресурс. Адрес доступа: <http://goo.gl/wfuDx4> (дата обращения: 13.01.2016) [Larionova M.V. «Myagkaya sila» — resurs vneshnei politiki. [“Soft power” as a resource of foreign policy] Available at: <http://goo.gl/wfuDx4> (Accessed: 13.01.2016)],

тельной и результативной, если будет базироваться на распространении и принятии общих ценностей, культурных и моральных идеалах» [Мосяков 2010: 6]. Таким образом, автор рассматривает «мягкую силу» как агрессивную, продуманную государственную стратегию продвижения своих интересов в регионе/стране-объекте.

Китайские исследователи подходят несколько иначе к определению «мягкой силы».

Лю Цзайци дает довольно абстрактное определение, ««мягкая сила» представляет собой мудрость и стратегию государства в развитии и использовании «твердой силы»» [Лю 2009: 149], то есть рассматривает ее вкуче с «жесткой силой», которая является основой, а направляющей силой выступает как раз «мягкая». Аналогичного подхода придерживается китайский исследователь Лю Гофу, он полагает, что источником «мягкой силы» является как раз «жесткая сила», и если жесткая — это начало всех начал, то мягкая — это всего лишь ее расширенная версия [Лю Гофу 2012: 18]. Это подтверждает и Ши Иньхун, заявляя, что стратегия «возвышения Китая» строится именно на двух началах: жесткой и мягкой силе [Shi Yinhong 2004: 23]. Такого рода трактовки понятия отражает китайский традиционный подход к дихотомии, где наличие противоположностей поддерживает баланс всего мироздания.

Член Шанхайской академии общественных наук, исследователь Юй Синьтянь считает, что «мягкая сила — это отражение влияния национальной культуры в международных отношениях» [Yu 2008], уделяя особое внимание именно культурному аспекту.

Тайваньские исследователи несколько отошли от традиционной терминологии и вместо «мягкой силы» выделили «ассимилирующую силу» (co-optive power), элементами которой являются культура, политическая система, открытость информационного сообщества, образование, идеология, экономические модели, экономическая конкурентоспособность, инновации в области ИТ, иностранные инвестиции и гуманитарная помощь [Wang, Lu 2008: 421]. Это несколько соотносится со вторым определением «мягкой силы» Дж. Ная и говорит о ее ассимилирующем эффекте.

В целом при определении роли и места китайской «мягкой силы» довольно часто приводят сравнение с американской, что наложило определенный отпечаток на саму концепцию и на ее применение. Это подтверждает мнение одного из ведущих исследователей КНР в области международных отношений Пан Чжуньина, полагающего, что китайские исследователи начали исследовать «мягкую силу» только для того, чтобы лучше изучить США, которые взяли на вооружение эту концепцию на тот момент¹. В итоге это привело к тому, что китайское научное сообщество забыло о собственной китайской традиционной политике «умиро-

---

¹ Pang Zhongying: Zhongguo waijiao, huanrou bijiao ruanshili geng kaopu [Pang Zhongying: Chinese diplomacy, “appeasement” is more reliable than the soft power] Available at: 2014-02-24//http://opinion.huanqiu.com/opinion_world/2014-02/4853309.html (Accessed 13.01.2016) (in Chinese).

творения», с которой «мягкая сила» в американском понимании не сравнится, и сам Китай подвергся влиянию американской «мягкой силы», приняв концепцию на вооружение в упрощенном варианте, скопировав ее¹.

Интерпретаций «мягкой силы» немало, но тем не менее все они сводятся в основном к следующему постулату: субъект международных отношений посредством ненасильственных мер добивается доброжелательного расположения объекта, что в свою очередь позволяет ему влиять на деятельность объекта и приносит желаемые результаты.

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ VS ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

И если в определениях «мягкой силы» можно найти общие черты, то механизм действия и ее применения у всех исследователей совершенно разный.

В первую очередь стоит выделить вопрос о *свойствах* «мягкой силы». Традиционно при разделении силы на мягкую и жесткую одними из них выступают материальность и нематериальность. Большинство исследователей считают понятие нематериальным, и даже духовным. Среди них Юй Синьтянь, которая характеризует «мягкую силу» как нематериальную, и, например, экономический фактор относит к материальной, а, следовательно, «жесткой силе» [Yu 2008]. Но, как уже было отмечено ранее, сами термины, используемые в том числе китайскими исследователями, отражают скорее материальность «мягкой силы», нежели нематериальность. К тому же некоторые из них, используя количественные методы, пытаются высчитать масштаб «мягкой силы», переводя, казалось бы, нематериальное понятие в конкретные цифры [Радиков, Лексютина 2012: 25]. Ввиду этого вопрос о нематериальности и материальности «мягкой силы» остается открытым и спорным, скорее всего здесь срабатывает тот же самый принцип, что с «жесткий» vs «мягкий», понятие имеет двойные свойства, как материальные, так и нематериальные.

Британский ученый В. Кэлээн вводит термин «negative soft power», который можно дословно перевести как «негативная мягкая сила», но это отнюдь не говорит об отрицательном эффекте, который она создает, а скорее о базе, на которой строится. Как правило, это какие-либо негативные факты и эмоции, которые позволяют положительным для субъекта образом повлиять на объект.

Так, он отмечает, что оптимизм современной концепции «китайской мечты», которая фактически является новым уровнем развития «мягкой силы» Китая, «опирается на пессимизм кошмара о национальном унижении» [Callahan 2015:223]. Имеется в виду постоянное упоминание о довольно низком положении Китая в системе международных отношений на протяжении XIX—XX вв.

В концепции Ная «мягкая сила» также не всегда имеет под собой добрые намерения. К «мягкой силе» относится и пропаганда, а «скручивать умы не лучше, чем скручивать запястья», считает исследователь [Nye 2011:81].

---

¹ Там же.

Далее возникает проблема определения *наполнения* «мягкой силы», как правило, в западной или российской историографии в этой связи встречаются слова элементы, составляющие, источники и пр., в результате в один ряд встают совершенно не равнозначные по функциям понятия.

Согласно оригинальной концепции ключевыми источниками «мягкой силы» являются культура, политические ценности и внешняя политика¹. Последовав примеру Дж. Ная, многие исследователи в «центр угла» стали ставить именно культурную составляющую как основной элемент «мягкой силы» и ее движущий инструмент. В Китае, где концепция Ная хорошо вписалась во внешнеполитический курс, научное сообщество даже разделилось на два лагеря: одни поддерживали точку зрения, что «мягкая сила» строится исключительно на национальной культуре и ее ценностях, другие же искали другие источники «мягкой силы».

Б.С. Глэйзер и М.Э. Мерфи выделили два этапа формирования китайской концепции «мягкой силы».

1. 1990-е годы XX в. — преобладание концепции «мягкой силы» на основе культурного подхода.

2. 2000-е гг. XXI в. — разработка концепции «мягкой силы с китайской спецификой», основанной на политологическом подходе [Glaser, Murphy 2009: 12].

Несмотря на это, и на современном этапе большинство китайских исследователей придерживается первой концепции: культура — это главный аспект «мягкой силы», и именно конкуренция в этой области является основной составляющей международной конкуренции [Wang, Lu 2008: 428]. Основоположником этой концепции в КНР считается директор Бюро исследований политики ЦК профессор Ван Хунин. Он отмечает, что в вопросе государственной мощи особое внимание следует уделять именно роли культуры [Wang Hongning 1993: 93]. Хотя понятие культуры также весьма обширно и отличается от традиционного: в понимании Ван Хунина, она включает в себя факторы политической системы, национальной культуры и колорита, экономической системы, процесса исторического развития и наследия, идеологии, научно-технический фактор и др. [Wang Hongning 1993: 93].

Таким образом, культура, согласно концепции Ван Хунина, как основа государственной силы представляет собой комплексное понятие, которое скорее близко к цивилизационному подходу А. Тойнби и С. Хантингтона, нежели к упрощенному пониманию культуры. Элементы цивилизационного подхода находит и М.Л. Титаренко, который отмечает, что подход к «мягкой силе», в основе которой лежит культура, «соответствует духу китайской традиции, в которой созидательное цивилизационное начало *вэнь* (文) стояло выше разрушительной воинственности у (武)» [Титаренко 2015: 7].

Среди сторонников этой концепции член Шанхайской академии общественных наук Юй Синьтянь, которая считает, что основным содержанием политики «мягкой силы» являются *три составляющие*: 1) идеи, мышление, принципы (как государственные, так и народные), 2) система (как построение международной

---

¹ Nye Joseph S. Think Again: Soft Power. Available at: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power> (Accessed: 12.03.2015).

системы, так и государственной), 3) стратегия и политика (как государственная, так и народная, а также предприятий, неправительственных организаций и др.) [Юй 2008].

Ван Хуньин и Лу Ечун продолжают поддерживать и развивать концепцию коллег, выделяя три основных источника китайской «мягкой силы»: китайскую культуру, китайскую модель развития, а также китайскую мирную и независимую внешнюю политику [Wang, Lu 2008: 439].

Именно культурно-цивилизационная концепция легла в основу национальной политики «мягкой силы», провозглашенной в 2007 г. на XVII съезде. Китай стремится создать и продвигать свою культурную идентичность, которая будет отвечать современным тенденциям и спросу. Ввиду преемственности во внутренней и внешней политике китайского государства руководство КНР продолжает отдавать центральное место в системе «мягкой силы» именно культуре, в выступлениях лидера пятого поколения Си Цзиньпина понятие также употребляется в связке с прилагательным «культурная», хотя таким образом выделяется только конкретная область применения, а не его центральное ядро. «Повышая государственную культурную мягкую силу, необходимо старательно демонстрировать самобытную притягательность китайской культуры», — заявил Си Цзиньпин 13 октября 2014 г. во время 18-й коллективной учебы Политбюро ЦК КПК¹.

Видимо, основываясь на понятии «культура», многие российские исследователи видят в качестве ключевого элемента «мягкой силы» «гуманитарные инициативы», включая культурные, образовательные и туристические [Кухаренко, Кухаренко 2013: 165]. По их мнению, Китай сделал ставку на традиции своей цивилизации и культуры, нежели на современных трендах, которые более присущи «мягкой силе» США [Борох, Ломанов 2012: 63].

При пропаганде своих ценностей Китай опирается на все области, включая традиционную китайскую философию, медицину, кухню, боевые искусства и т.д. [Кухаренко, Кухаренко 2015: 300].

По мнению М.Л. Титаренко, китайская «мягкая сила» и дальше будет «опираться на традиционную культуру и историческую память народа» [Титаренко 2015: 7]. Ключевую роль в политике «мягкой силы» зачастую отдают центрам распространения языка и культуры субъектов мягкой силы, включая Институты Конфуция.

Не все китайские исследователи поддерживают культурно-цивилизационный подход. Лю Гофу считает, что научное сообщество почти не уделяет внимания «дипломатической мягкой силе» и «мягкой силе ценностей», а также «мягкой силе национальной идентичности» [Лю Гофу 2012: 19]. Как представитель юридических наук, особое место он отводит правовым нормам в системе «мягкой силы». Автор полагает, что многие западные исследователи отмечают слабость

---

¹ Xi Jinping tan guojia wenhua ruanshili: zengqiang zuo zhongguoren de huaqi he diqi. [Xi Jinping speech on national cultural soft power: strengthen Chinese people's backbone and clout] Available at: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-06/25/c_127949618.htm (Accessed 13.01.2016) (in Chinese).

привлекательности современной государственной системы Китая, ввиду этого необходимо совершенствовать правовые нормы, дабы усилить «мягкую силу» в этой плоскости.

Ярким представителем политологического подхода в отношении понятия «мягкой силы» является профессор Университета Цинхуа Янь Сюэтун. Согласно его видению, «мягкая сила» представляет собой сочетание международной привлекательности, международной и государственной сил мобилизации [Yan Xuetong 2008: 26]. В свою очередь, они также делятся на составляющие элементы; международная привлекательность складывается из привлекательности государственной модели и привлекательности культуры; международная сила мобилизации подразумевает принятие предложений и требований государства-субъекта другими странами, при чем при воздействии ненасильственного влияния и состоит из стратегических добрых отношений и права установления международных правил. Государственная мобилизационная сила включается в себя скорее два уровня, нежели элемента: сила мобилизации в отношении верхнего класса общества и сила мобилизации в отношении низшего класса общества [Yan Xuetong 2008: 26]. Политолог из КНР считает, что «мягкая сила» Китая включает в себя культурную и политическую силу, но основу составляет именно вторая [Yan Xuetong 2011: 102]. При этом в своей работе Янь Сюэтун и Сюй Цзинь «Сравнение мягкой силы Китая и США» приводят формулу расчета «мягкой силы», используя количественные показатели, доказывая, что «мягкая сила» США в три раза превосходит китайскую.

Спорной составляющей в концепции «мягкой силы» остается экономика. По мнению Дж. Ная, довольно сложно определить, какая часть экономических отношений относится к «мягкой», а какая к «жесткой силе» [Nye 2006: 85]. «Экономические ресурсы могут стать источником как жесткой, так и мягкой силы. Они могут быть использованы как для привлечения, так и для принуждения»¹.

Тем не менее, успешная экономическая модель безусловно обладает привлекательностью не только на межгосударственном уровне, но и в рамках мирового сообщества. Наличие фактора успешного экономического развития, как часть «мягкой силы» КНР, прослеживается и в теории «Пекинского консенсуса», который противопоставляется «Вашингтонскому консенсусу» [Ramo 2004]. Американский политолог Дж. Курланцик считает, что независимо от того, как называть феномен «Пекинского консенсуса», Китай определенно активно продвигает за рубеж свою социально-экономическую модель развития [Kurlantzick 2007: 56].

Представители Санкт-Петербургского государственного университета И.В. Радиков и Я.В. Лексютина также особое внимание уделяют экономическому фактору «мягкой силы», соглашаясь отчасти с Дж. Наем, что экономические санкции и давление могут быть причислены к «жесткой силе», но утверждая, что «успешная модель экономического развития способна оказывать магнетическое влияние на другие и, прежде всего, развивающиеся государства» [Радиков, Лексютина

---

¹ Nye Joseph S. Think Again: Soft Power. Available at: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power> (Accessed: 12.03.2015).

2012: 21]. Более того, авторы приходят к выводу, что ресурсом «мягкой силы» может выступать не только успешная реализованная экономическая модель, но и даже ожидаемые «перспективы ее развития» [Радиков, Лексютина 2012: 21]. «Экономический взлет» рассматривается как источник «мягкой силы» КНР и М.Л. Титаренко, который полагает, что многие развивающиеся страны пытаются перенять передовой опыт Пекина в этой области [Титаренко 2015: 8].

Несколько иначе объясняет Чжао Лэй роль экономической мощи Китая в политике «мягкой силы». Он полагает, что «возросшая экономическая мощь запустила процесс восстановления и укрепления веры народа в собственные силы и вернула китайскую традиционную систему культурных ценностей»¹, т.е. стала своего рода рычагом наращивания «мягкой силы» в общепринятом понимании. И несмотря на то, что китайский исследователь также отдает предпочтение культуре как ядру мягкой силы, он отмечает ряд недостатков в этой области, в частности: «различие в культурном и политическом диалогах между Китаем и остальным миром», что не позволяет сформировать общую ценностную базу, как в случае с экономическими отношениями².

Пан Чжуньин, говоря о государственной мощи, выделяет три силы: военную, мягкую силу и экономику [Pang Zhongying 1997: 51], разделяя понятия «мягкой силы» и экономики.

Выделяются и другие составляющие «мягкой силы»: правительство, образование, дипломатия, коммерческая деятельность и инновации [The New persuaders].

Российский исследователь С.В. Михневич выделяет семь направлений «мягкой силы» КНР, в том числе:

- 1) «распространение и популяризация языка;
- 2) продвижение традиционной и современной культуры;
- 3) расширение образовательных контактов;
- 4) развитие экономических связей и научно-техническое сотрудничество;
- 5) содействие международному развитию;
- 6) развитие общественной дипломатии;
- 7) поддержка соотечественников» [Михневич 2014: 97].

Хотя возможно проследить явную взаимосвязь первого и третьего направления, при этом «расширение образовательных контактов» скорее говорит о soft power trade, а не конкретно о китайской «мягкой силе». Среди основных проявлений мягкой силы КНР в российской науке также выделяется распространение СМИ на национальных языках, «фасадная политика» и др. [Кухаренко, Кухаренко 2013: 166].

Зарубежные исследователи также определяют ряд весьма характерных инструментов «мягкой силы»: инвестиции, гуманитарная помощь, программы обмена, дипломатия и участие в многосторонних институтах [Zheng 2009: 3]. Политолог Д. Шэмбо и вовсе полагает, что ключевым инструментом «мягкой силы» КНР являются деньги, а к проектам китайской «мягкой силы» относятся такие новые

---

¹ Ibid.

² Ibid

инициативы, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Экономический пояс Шелкового пути и др.¹

Довольно спорным нематериальным элементом «мягкой силы» выступает религия, которую Най называет не иначе как «обоюдоострый меч», и ситуация полностью зависит от того, кто этот меч держит [Nye 2004: 59]. Влияние религии на международные отношения ощутимо заметно в последние десятилетия, но присутствовало оно всегда: и во времена Крестовых походов, и XXI в. Некоторые исследователи выделяют ее в качестве отдельной категории источников «мягкой силы», с другой стороны, религию можно рассматривать вкупе с национальной культурой государства. Хотя в китайской истории именно религия порой выступала в качестве основного элемента «мягкой силы» [Кабанова 2013]. В качестве нематериальных инструментов «мягкой силы» КНР выделяют также «национальную сплоченность» и законность режима.

Российские исследователи И.В. Радиков и Я.В. Лексютина выстраивают свою систему «мягкой силы». Согласно их видению, центральным ядром «мягкой силы» служат идеология и институты, в свою очередь проводником — массовая культура и информационные технологии, в качестве инструментов авторы называют «коммуникацию, и особенно Интернет, НПО, дипломатические представительства, культурные, научные и образовательные центры, крупномасштабные мероприятия», а носителями — известные торговые марки, достижения в науке, технике, искусстве и даже мода» [Радиков, Лексютина 2012: 20]. При этом ими весьма критично оценивается роль массовой культуры как основного проявления «мягкой силы». Авторы отмечают, что в мире существенно усилился антиамериканизм, что свидетельствует об ослаблении «мягкой силы» США, хотя американская культура по-прежнему популярна и не теряет своих позиций.

***

Сформировавшаяся концепция «мягкой силы» хорошо вписалась во внешнеполитическую стратегию «мирного возвышения и мирного развития» КНР, а позже идею построения «гармоничного мира». Понятие продолжает превалировать в заявлениях лидеров страны и их внутренней и внешней политике, постепенно усложняясь и приобретая многоуровневость.

В результате анализа вышеизложенных теорий и концепций можно заключить, что на данный момент не сложилось единого мнения касательно системы «мягкой силы». «Мягкая сила» различных стран отличается друг от друга, одни активно используют «культуру и исторически успешные традиции», другие — свою социальную или экономическую модель развития [Pang Zhongying 1997: 51]. Вероятно, поэтому не пока нет единой концепции, но в таком случае возникает вопрос: если речь идет о «мягкой силе» конкретной страны, например, о Китае, почему снова нет единообразия?

Профессор МГИМО М.М. Лебедева справедливо замечает, что не может быть универсальной концепции привлекательности ввиду неоднородности общества,

---

¹ Shambaugh David. China's soft-power push. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-s-soft-power-push> (Accessed 13.01.2016).

и «то, что одним кажется привлекательным, необязательно будет привлекательным для других» [Лебедева]. Следовательно, на настоящий момент остается открытым вопрос об определении привлекательности «мягкой силы» каждого субъекта, включая КНР, а также ее ключевых составляющих.

Большинство исследователей придерживается мнения, что именно культура лежит в основе «мягкой силы» КНР, отчасти исходя из официальной позиции Пекина, хотя попытки найти альтернативный подход также существуют. К «мягкой силе» зачастую относят различные элементы, которые олицетворяют собой мирную деятельность и сотрудничество. Но, как отмечает Ш. Бреслин: «комбинирование многочисленных невоенных элементов в рамках одного понятия „мягкий“ вряд ли позволит понять нюансы различных типологий и источников силы» [Breslin 2011: 4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Борох О.Н., Ломанов А.В. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. С. 54—67.
- [2] Бояркина А.В., Лыков К.Ф., Печерица В.Ф. Превентивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» КНР // Вестник ЗабГУ. 2015. № 9 (124). С. 50—57.
- [3] Журавлева (Кабанова) Е.А. Методы управления приграничными народами Китая в XVIII в. // История, политика и философия в эпоху глобализации. 2013. С. 115—122.
- [4] Капицын В.М. Космополитизм-компонент мягкой силы и глобального управления // Обозреватель-Observer. 2009. № 10. С. 70—79.
- [5] Кухаренко Н.В., Кухаренко С.В. Институты Конфуция как инструмент политики «мягкой силы» КНР // Современный Китай и его окружение. М.: КРАСАНД, 2015.
- [6] Кухаренко Н.В., Кухаренко С.В. Образование как инструмент «мягкой силы» Китая в отношении России // Современный Китай в системе международных отношений. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- [7] Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 47—55. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-v-otnoshenii-tsentralnoy-azii-uchastniki-i-ih-deystviya> (дата обращения: 13.01.2016).
- [8] Лю Цзайци «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149—155.
- [9] Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 95—129.
- [10] Мосяков Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010. Т. 14. С. 5—22.
- [11] Радиков И.В., Лексютина Я.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 19—26.
- [12] Тутаренко М.Л. «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН, 2015.
- [13] Breslin Sh. The soft notion of China's 'Soft Power', Chatham House. Asia Programme Paper: ASP PP 2011/03. February 2011.
- [14] Callahan W.A. Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream // Politics. 2015. Vol. 35(3—4). P. 216—229.
- [15] Glaser B.S., Murphy M.E. Soft Power With Chinese Characteristics. The Ongoing Debate // Chinese Soft Power and Its Implications for the United States. Competition and Cooperation in the Developing World. A Report of the CSIS Smart Power Initiative. Center for Strategic

- and International Studies, 2009. P.12. URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/090305_mcgiffert_chinesesoftpower_web.pdf (дата обращения: 13.01.2016).
- [16] *Kurlantzick J.* Charm offensive: how China's soft power is transforming the world. Yale University Press, 2007.
- [17] *Liu Gofu* Zhongguo ruanshili fazhan mianlin de tiaozhan he yingdui: yi fazhi jianshe wei shijiao // Shehui kexue qianyu. [China's soft power development challenges and response: perspective of creation of the rule of law // Social Science Frontier]. 2012. No. 1. P. 17—23 (in Chinese).
- [18] *Nye Joseph S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.
- [19] *Nye Joseph S.* The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011. P. 20—21.
- [20] *Pang Zhongying* Guojiguaxi zhongruanliliang ji qita — ping meiguo xuezhe Yuesefu Nai de «zhuding lindao» // Zhanlue yu guanli. [Soft power and other in international relations-talking about Joseph Nye «Bound to lead» // Strategy and management]. 1997. Vol. 2. P. 49—51 (in Chinese).
- [21] *Ramo J.C.* The Beijing Consensus. London: The Foreign Policy Centre, 2004.
- [22] *The New persuaders: An international ranking of soft power.* The Institute for Government. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (дата обращения: 13.01.2016).
- [23] *Shi Yinhong* Zhongguo heping jueqi de zhanlue jiyu he ruogan jiben tiaojian // Guoji guancha [A number of strategic opportunities and basic conditions of China's peaceful rise // International Observer]. 2004. No. 3 (in Chinese).
- [24] *Wang Hongying, Lu Yeh-Chung* The Conception of Soft Power and its Policy Implications: a comparative study of China and Taiwan // Journal of Contemporary China. 2008. No. 17(56). P. 425—447.
- [25] *Wang Huning* Zuowei guojia shili de wenhua: ruanquanli // Fudan xuebao. [As the culture of national power: soft power // Journal of Fudan University]. 1993. No. 3. P. 91—98 (in Chinese).
- [26] *Wang Yiwei* Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power // Annals. 2008. P. 257—273.
- [27] *Yan Xuetong, Xu Jin* Zhongmei ruanshili bijiao // Xiandai guoji guanxi. [Comparison of Chinese and American soft power. Contemporary International Relations]. 2008. No. 1. P. 24—29 (in Chinese).
- [28] *Yan Xuetong* Ancient Chinese thought, modern Chinese power. Princeton University Press, 2011.
- [29] *Yu Xintian* Ruanshili jianshe yu duiwai zhanlue // Guoji wenti yanjiu [Soft power construction and external strategy of China. International Studies]. 2008. No. 2. URL: <http://www.aisixiang.com/data/19720.html> (in Chinese).
- [30] *Zheng D.E.* China's use of soft power in the developing world strategic intentions and implications for the United States. Chinese soft power and its implications for the United States: competition and cooperation in the developing world, a report of the CSIS smart power initiative. Center for Strategic and International Studies, Washington, D.C., March 2009.

Дата поступления статьи: 17.12.2015

Благодарности: Данная статья подготовлена в рамках НИР РУДН 2016 г. «Незападные теории международных отношений. Азиатские, латиноамериканские и африканские концепции мироустройства»

Для цитирования: Журавлева Е.В. Стратегия красоты: теории «мягкой силы» с китайской спецификой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 17—31.

THE BEAUTY TRAP: THE THEORIES OF “SOFT POWER” WITH CHINESE CHARACTERISTICS

E.V. Zhuravleva

Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maclay st., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Currently there are a lot of definitions and conceptions of “soft power” in the world’s scientific literature. The English-language works mainly adopted the term “soft power”, terminology is also varied in Chinese historiography: “ruan shili”, “ruan liliang” and “ruan quanli” (软实力, 软力量 and 软权力). A variety of terms is reflected in the variety of interpretations of the system or mechanism of “soft power”, that allows us to conclude that at the moment there is no formed unified vision and approach to its study. The subject of this study is the Russian and foreign theories of “soft power” in relation to China's foreign policy.

The author raised a number of tasks, among which are: to determine the place a policy of “soft power” in the foreign policy of China, to analyze the existing interpretation of the concept of “soft power with Chinese characteristics”, as well as trace the development of theories of “soft power”.

As a result of the research the author comes to the conclusion that despite the difference in interpretations, there are a lot of common aspects, including the idea of the majority of researchers that the concept is directly related to the influence of the subject to the object, and that the main instruments of “soft power” are humanitarian cooperation, investment, dialogue at the highest level, and others. But the combination of numerous non-military elements within the same term “soft power” doesn’t form a unified, approved concept. Different countries have their own unique system of soft power, and its instruments, key elements and basic principles are not the same. For example, talking about “attractiveness” applied to Chinese soft power, we can conclude, that it is only the tip of the iceberg.

This study allows not only to form an idea of the “soft power” through the prism of various scientific researches, but also to identify the key elements of the system, as well as alternative ways of applying the policy of “soft power” and options for its increase.

Key words: theory of “soft power”, China's foreign policy, comprehensive state power, China’s rise.

REFERENCES

- [1] Borokh O.N., Lomanov A.V., 2012. Ot «myagkoi sily» k «kul'turnomu mogushchestvu» [From “soft power” to the “cultural might”]. *Rossiya v global'noi politike*. Vol. 10. No. 4. P. 54—67.
- [2] Boyarkina A.V., Lykov K.F., Pecheritsa V.F., 2015. Preventivnaya diplomatiya kak instrument “myagkoi sily” KNR. [Preventive diplomacy as an instrument of “soft power” of China]. *Vestnik ZabGU*. 2015. No. 9 (124). P. 50—57.
- [3] Breslin Sh., 2011. *The soft notion of China’s ‘Soft Power’*, Chatham House. Asia Programme Paper: ASP PP 2011/03.
- [4] Callahan W.A., 2015. Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream. *Politics*. Vol. 35(3—4). P. 216—229.
- [5] Glaser B.S., Murphy M.E., 2009. Soft Power With Chinese Characteristics. The Ongoing Debate. *Chinese Soft Power and Its Implications for the United States. Competition and Cooperation in the Developing World*. A Report of the CSIS Smart Power Initiative. Center for Strategic and International Studies, P. 12. [Online]. Available at: http://csis.org/files/media/csis/pubs/090305_mcgiffert_chinesesoftware_web.pdf (Accessed 13 January 2016).

- [6] Kapitsyn V.M., 2009. Kosmopolitizm-komponent myagkoi sily i global'nogo upravleniya. [Cosmopolitanism as a component of soft power and global governance]. *Obozrevatel'-Observer*. No. 10. P. 70—79.
- [7] Kukhareno N.V., Kukhareno S.V., 2015. Instituty Konfutsiya kak instrument politiki “myagkoi sily” KNR. [Confucius Institutes as an instrument of the Chinese “soft power”]. *Sovremennyyi Kitai i ego okruzhenie*. Moscow: KRASAND.
- [8] Kukhareno N.V., Kukhareno S.V., 2013. Obrazovanie kak instrument “myagkoi sily” Kitaya v otnoshenii Rossii. [Education as an instrument of “soft power” of China towards Russia]. *Sovremennyyi Kitai v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii*. Moscow: LIBROKOM.
- [9] Kurlantzick J., 2007. *Charm offensive: how China's soft power is transforming the world*. Yale University Press.
- [10] Lebedeva M.M., 2014. «Myagkaya sila» v otnoshenii Tsentral'noi Azii: uchastniki i ikh deistviya [“Soft power” in relation to Central Asia: the participants and their actions]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 2 (35). P. 47—55.
- [11] Lyu Tszaitzi, 2009. “Myagkaya sila” v strategii razvitiya Kitaya. [“Soft power” in China's development strategy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 149—155.
- [12] Liu Gofu, 2012. Zhongguo ruanshili fazhan mianlin de tiaozhan he yingdui: yi fazhi jianshe wei shijiao. *Shehui kexue qianyu* [China's soft power development challenges and response: perspective of creation of the rule of law. *Social Science Frontier*]. No. 1. P. 17—23 (in Chinese).
- [13] Mikhnevich S.V., 2014. Panda na sluzhbe Drakona: osnovnye napravleniya i mekhanizmy politiki “myagkoi sily” Kitaya. [Panda in the service of the Dragon: The main directions and mechanisms of the Chinese policy of “soft power”]. *Vestnik Mezhdunarodnykh Organizatsii*. Vol. 9. No. 2. P. 95—129.
- [14] Mosyakov D.V., 2010. “Myagkaya sila” v politike Kitaya v Yugo-Vostochnoi Azii. [“Soft power” in China's policy in Southeast Asia]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. Vol. 14. P. 5—22.
- [15] Nye Joseph S., 2004a. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
- [16] Nye Joseph S., 2011. *The Future of Power*. New York: Public Affairs. P. 20—21.
- [17] Pang Zhongying, 1997. Guojiguaxi zhongruanlilang ji qita — ping meiguo xuezhe Yuesefu Nai de “zhuding lindao”. *Zhanlue yu guanli* [Soft power and other in international relations—talking about Joseph Nye “Bound to lead”. *Strategy and management*]. Vol. 2. P. 49—51 (in Chinese).
- [18] Radikov I.V., Leksyutina Ya.V., 2012. “Myagkaya sila” kak sovremennyyi atribut velikoi derzhavy [“Soft power” as a modern attribute of great power]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 2. P. 19—26.
- [19] Ramo Joshua Cooper, 2004. *The Beijing Consensus*. London: The Foreign Policy Centre.
- [20] *The New persuaders: An international ranking of soft power*. The Institute for Government, [Online]. Available at: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (Accessed 13 January 2016).
- [21] Shi Yinhong, 2004. Zhongguo heping jueqi de zhanlue jiyu he ruogan jiben tiaojian. *Guoji guancha* [A number of strategic opportunities and basic conditions of China's peaceful rise. *International Observer*]. No. 3 (in Chinese).
- [22] Titarenko M.L., 2015. “Myagkaya sila” v otnosheniyakh Kitaya s vneshnim mirom [“Soft power” in China's relations with the outside world]. Moscow: IFES of RAS.
- [23] Wang Hongying, Lu Yeh-Chung, 2008. The Conception of Soft Power and its Policy Implications: a comparative study of China and Taiwan. *Journal of Contemporary China*. No. 17(56). P. 425—447.
- [24] Wang Huning, 1993. Zuowei guojia shili de wenhua: ruanquanli. *Fudan xuebao* [As the culture of national power: soft power. *Journal of Fudan University*]. No. 3. Pp. 91—98 (in Chinese).

- [25] Wang Yiwei, 2008. Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power. *Annals*. P. 257—273.
- [26] Yan Xuetong, Xu Jin, 2008. Zhongmei ruanshili bijiao. *Xiandai guoji guanxi* [Comparison of Chinese and American soft power. *Contemporary International Relations*]. No. 1. P. 24—29 (in Chinese).
- [27] Yan Xuetong, 2011. *Ancient Chinese thought, modern Chinese power*. Princeton University Press.
- [28] Yu Xintian, 2008. Ruanshili jianshe yu duiwai zhanlue. *Guoji wenti yanjiu* [Soft power construction and external strategy of China. *International Studies*]. No. 2 [Online]. Available at: <http://www.aisixiang.com/data/19720.html> (Accessed 13 January 2016) (in Chinese).
- [29] Zheng Denise E., 2009. China's use of soft power in the developing world strategic intentions and implications for the united states. *Chinese so power and its implications for the United States: competition and cooperation in the developing world, a report of the CSIS smart power initiative*. Center for Strategic and International Studies, Washington, D.C.
- [30] Zhuravleva (Kabanova) E.A., 2013. Metody upravleniya prigranichnymi narodami Kitaya v XVIII v. [China's management methods of frontier nations in the XVIII century]. *Istoriya, politika i filosofiya v epokhu globalizatsii*. P. 115—122.

Acknowledgments: This article was prepared within the framework of PFUR 2016 Research project «Non-Western international relations theories. Asian, Latin American and African concepts of the world order».

For citations: Zhuravleva E.V. The Beauty Trap: Chinese Theories of «Soft Power». *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No.1 (March 2016). Pp. 17—31.